

ВИТАЛИЙ МУХИН

АФГАНСКИЕ СНЫ

ДЖЕЛАЛАБАДСКАЯ БАЛЛАДА

1

Ты верни меня, память, назад
в город-зной, в город-сон, в город-сад.

Алыча там цветёт круглый год,
птица-рыба на пальме живёт,

и меж сопок, земли и небес
катит волны Дарунтская ГЭС*.

2

А ещё поутру там мулла
говорит всему миру “Алла́!..”

— Аладдин! — это эхо в горах
на зелёных гарцует лугах:

* Дарунта – посёлок (ныне пригород Джелалабада), где в 1960-х годах советские инженеры-мелиораторы построили первую в Афганистане гидроэлектростанцию. Джелалабад – столица Нангархарской провинции; название города образовано от перс. “Джелал” (“Слава”) и иранск. “Абад” (“Место, где растут сады”, “Райское место”; “Город”).

МУХИН Виталий Олегович родился в 1948 году в Москве. С 1951 по 1962 год жил в Казахстане (Петропавловск, Караганда, Алма-Ата). Первая публикация стихов – в газете “Ленинское знамя” ЛКСМ Казахстана. Член Союза писателей России.

вот он!.. Вот он, джигитам пример —
воин Господа, франт, офицер.

3

Там, за речкой, спадёт только зной,
он ведёт караван с наркотой,

Ну, а здесь он для всех — шурави,
вместе с нами поёт “Журавли”.

И летят журавли, вот летят!..
Как вертушки, на алый закат.

4

Мы летим и поём в темноте
на незримой для мин высоте.

Сердце бьётся с волнением в груди:
да неужто война позади

и всем в дембель?! Неужто домой
я вернусь неприлично живой?

5

И награды, что надо, — горят!
Краше — в гроб иль в Москву на парад.

Всхлипнет мама и чуть ли не в рёв:
“Ведь писал же, что цел и здоров”.

Я ей слёзы тихонько утру:
“Мама-мама... Не стой на ветру...”

6

Ну, конечно, я жив и здоров,
как сто сорок армейских козлов.

Каждый Рембо в стрельбе превзойдёт,
а Джеймс-Бонду и морду набьёт.

Не согласна дыра в рукаве?
А плевать — заросла ж в голове.

7

— Так-так-так... Говоришь, не звенит?
— Где звонит, пусть майора свербит!

— Ну, тому по всему трын-трава,
замполит у него голова.

— Голова ты моя, голова...
— Куда ж делась твоя голова?

8

Покатилась отважная с плеч
упрежь всех в поминальную речь,

по дороге сыграла в футбол:
прыг-прыг-прыг — и скорее на кол

взгромоздилась: “Ура! Исполаты!..
Что такое? Ни зги не видать”.

9

Свет включили. В ногах — гул винтов,
и бетонка — в коросте бинтов,

поперёк горизонта ума
слева — дурка, а справа — тюрьма,

а в конце — то ли взрыв, то ли сад..
Что уставился в точку, солдат?

10

Вот жена, рядом с нею малец —
незаживший на сердце рубец.

И ждала, и любовь берегла,
а потом вдруг к другому ушла.

Впрочем, что нам о том поминать
и пустые бутылки считать?

11

От Кремля до Китайской стены
свет без света, вина без вины.

И кровавый в полнеба закат,
и никто не вернётся назад,

если даже вернётся домой..
Только тлеющий мир за спиной.

12

Только тлеющий мир в темноте
на какой-то мгновенной версте.

Кто в порталах и дырах времён
вспомнит шум наших древних знамён,

свет без света, страну без страны?..
Плач давно отзвеневшей струны.

13

Плачь, родная! И сбудутся вновь
и страна, и война, и любовь.

Трассерами расшит небосвод,
птица-рыба о счастье поёт...

Там у царских, тяжёлых ворот
положили душманы мой взвод.

Мы лежим, как один, в темноте
на последнего мира версте.

Алыча тут цвела круглый год,
а теперь и репей не растёт.

Аладдин, ты же — друг, ты мне брат,
почему нашей встрече не рад?

Я вернулся — броня на броне,
раскалённый калаш на ремне,

крокодилы* дырявят закат,
осы-стингеры навстречь скользят.

Зазевался — усни в темноте
на незримой для всех высоте.

На незримой для всех высоте
мы летим, словно миф, в пустоте,

окликаем друг друга в бою:
“Может, свидимся как-то в раю?”

Там и нам — всем погибшим подряд! —
светит солнце — наш Джел...

Алла!..

Алла!..

Алла!..

Светит солнце — наш ДжелАллабад!

ЯХША АРТА

Станиславу Куняеву

Над Сырдарьёй недвижны облака,
в песок истёрлись каменные сходни —
как прошлое, как память о веках,
когда была немного полноводней
река от слёз и кровь лилась рекой.
Те годы отшумели безвозвратно,
но азиатский, мраморный покой
ещё хранит их родовые пятна.
И потому нередко, как рабынь,
здесь женщин держат под прицельным взором,
и не нарсуд, а нож иль карабин
межплеменные разрешает споры.

А там свисти, милиция, ищи
преступника по всем глухим аулам —

* Транспортно-боевые вертолёты МИ-24.

авось, в каком и подберёшь ключи,
оброненные в спешке под Джамбулом
горячим беглецом... Ну, а пока
лети, как пёс, выпытывай у встречающих:
— Скажи, дедунь, у вас наверняка...
Пожмёт плечами древний аксакал:
— Моя не понимает твои речи.

И снова отстранённый взор туда,
где Сырдарья с барханами играет.
Внезапно выдохнет: “Яхша арта”*.
— Что, что?!
— Давно не понимает...
И как ни бейся с пеною у рта,
как ни дави, что надо обезвредить,
на все расспросы только “Эх!..” да “А?..”
“Яхша арта” — вот весь итог беседе.

А что в нём — полубред или намёк,
не суйся, русский, не в свои заботы,
загадка мудреца или упрёк,
что с каждым днём мелеют жизни воды?
Поди тут разберись, когда никто
значенья этих слов уже не знает —
и знает, если до седых хребтов
их гулкая природа повторяет.

Скользнёт из роши джидовой змея.
“О, несравненная!” — орёл на солнце
завьётся с ней в тугие вензеля.
“Яхша арта”, — мгновенно отзовется
багрянец зачерпнувшая волна
и вновь отхлынет... Отдымятся росы
в сверкающей траве. И тишина.
И саксаул, загнувшийся вопросом.

О, Сырдарья — жемчужная река!
“Яхша арта! — так в древности иранки
в серебряных браслетах и серьгах
в дни замирений, в дни затиший кратких
к тебе зывали. — Пусть слеза моя,
для жениха вобрав твой жгучий отблеск,
дороже будет лучшего коня
и ярче солнца высветляет доблесть
храбрейшего из храбрых, чтобы он
не забывал в погоне за добычей,
что все жемчужины любых племён —
ничто пред красотой моей девичьей”.

Всё пронеслось — и сполохи знамён,
и волны грив, и свист стального жала.
Лишь песня — будто стон былых времён —
лишь песня до сих пор не отзвучала.
Пусть Сырдарья давно уже не та,
она, как прежде, души наши ранит...
А кто, скажите, двигая горами,
не сотрясал в низинах города?

* Несравненная жемчужина — древнеиранское название Сырдарьи.

* * *

На русскую славу и пламенный Спас
слепых откровений ударил мой час,
слепых откровений.

Не вороны-вепри за Бугом кричат,
не гибель геройскую ищет солдат,
а ужас прозренья

на тросах лебёдок, качаясь, скрипит:
ещё одного, блин, прибрали на щит,
ломал — и сломался.

Из шахт пусковых до ледовых высот
за солнцем! По вечному кругу — вперёд.
А ну, подымайся!

Живым только мёртвые верность хранят,
и только она, как стрела наугад,
сшивает столетья.

Что в землю ушло, то взойдёт из земли,
о счастье недолгом поют ковыли
и грезят бессмертьем.

Но нет и не будет его никогда.
Пожар, недород, то другая беда
легка на помине.

Но колокол веры — и вечность как миг...
Лишь русской тревогою держится мир
и в прошлом, и ныне.

* * *

Кричи! — никто не прибежит.
Зови! — кому ты нынче нужен?
На костылях вторая жизнь
за водкой хлупает по лужам.

Эй, инвалид, и я с тобой!
Ты не останешься внакладе.
Всей заковыристой судьбой
прибавку к пенсии оплатим.

Твой Кёнигсберг и мой Афган
летят по вычурному кругу.
Трясущийся в руке стакан,
век недопитые сто грамм —
от друга к другу.

И с каждым днём тесней кольцо,
всё бойче лживые преданья,
и всё слышнее пред концом
тех недобитков ликованье.